

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Хелен
КИР

ЗАПРЕЩЕНО
ТЕБЯ *Любить*

Хелен Кир

Запрещено тебя любить

<https://litres.ru/74221082>

Аннотация

- Знакомься, Варвара, – гудит шеф. – Олег Жданов. Теперь работает с нами.

- Приятно познакомиться, – знакомый бархат голоса окутывает.

Киваю. Старательно прячу предвкушение, пока рядом не появляется яркая женщина. Та самая, с кем столкнулась несколько часов назад в бутике.

- А вот и я! – весело щебечет, повиснув на моем Олеге.

Задохнувшись, оборачиваюсь. Почему трогает моего мужчину? Олег принимает ее близость без слов и попыток отстраниться. Ни одной попытки.

- Жена Олега, – тянет руку Ирина. – Приятно познакомиться.

Какая жена? О чем она говорит? Мой мозг отказывается принимать губительную информацию. Становится мучительно и нестерпимо горько.

Год. Мы встречались с ним ровно год!

Женат? Олег женат? То есть замуж предлагал, забыв о наличии второй половины. А теперь нам придется работать в одной команде. Как?!

Книги об отце и брате:

Содержание

1. А ты оказывается женат.	4
2. Папа не разрешает с мудаками общаться.	14
3. Тайфун. Ураган. Шторм.	18
4. Разнос по факту.	23
5. Тебе лучше открыть.	28
6. Иди к жене.	32
7. Потом.	37
8. Надо с этим что-то делать.	42
9. Одно дело на двоих.	47
10. Твои предложения.	53
11. Мясорубка.	58
12. Лечить душу.	63
13. Опекуны.	68
14. В машине на серпантине.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

1. А ты оказывается женат.

Все события вымышленные. Любое сходство с реальными событиями случайно. Книга содержит нецензурную брань, табакокурение, немного алкоголя (вредит вашему здоровью!!!). Предупреждение 18+!!!

- Я говорил тебе. Не лезь!

Отец раздраженно откатывает кресло. Бесится.

Прикусив язык, потираю предплечье. Болит немного. Увидев синяк, папа наливается яростью. Еще немного и сдетонирует.

- Хватит этого! – рычит. – За каким чертом на задержание поперлась? Чтобы тебя там вот так, – тычет в синяк. – Упрямая, как ишак!

Что такого-то?! Округляю глаза. Отец зажимает грязные ругательства на кончике языка и в два шага покидает кабинет, оглушительно хлопнув дверью.

Выдыхаю.

Ровно через секунду в разьеме двери показывается голова Маши. Жена брата.

- Ну что? – шепчет. – Живая?

Обессиленно киваю. Господи, мне двадцать шесть. Почти!

Можно уже не контролировать меня, а?

- Пронесло.

Маша садится рядом. Гладит по желтоватому синяку.

- Маш, иногда хочется сбежать из города, – жалуюсь.

- Хватит, все нормально. Что ты его не знаешь? Поорет и перестанет.

- Да. Только в другой отдел переведет. Буду не у Зверева, где-нибудь в архиве сидеть. А я не хочу! – психую.

- Ну все, – хлопает по спине. – Увидимся вечером. Платье отправила с курьером. Надень его.

- Ладно.

Маша убегает, а я стыну. Не даст мне генерал спокойно работать. Маниакальное желание опекать не пропало никуда. Орет, рычит. И никуда от него не деться. Тружусь в отделе отцовского лучшего друга. Перевестись возможности нет, иначе потребуют попрощаться с работой совсем. Таковы кабальные условия.

Приходится выворачиваться наизнанку, чтобы вести те дела, что нравятся.

Вытягиваю из ящика тонкую сигарету, иду перекурить ссору с папой. Едва затягиваясь, когда в кармане куртки начинает трезвонить.

- Привет, Олег.

По телу разносится знакомое трепетное тепло. Все же голос у него какой. Бархатный рык, низкий, густой. Ааах, будоражит. Скучаю. Так зверски скучаю, что пальчики на ногах поджимаются.

- И тебе.

По спине льется сладенькая дрожь. Я обожаю в Жданове две вещи: огромный член и потрясающе низкий волнующий голос. И то и другое преступно красивое. Хотя, честно? Дело не только в этом, Олег уникам. Жить без него становится труднее, потому что ... Сердце начинает биться сильнее, гулом отдает по коже. Влюбилась. Влюбилась так, что на стены бросает.

- Будешь вечером?

- А ты?

- Варь, я для этого ехал, – урчит. – У меня предложение.

- М?

- На пару часов отель до назначенного часа. Поедем?

Очень соскучился, – голос падает ниже.

- Условие тоже, – забираю его тон. – К месту сбора приезжаем на разных тачках и делаем вид, что друг друга не знаем.

- Как скажешь, Варь, – чарующе бархатно вибрирует. – Труссы не надевай.

Закатываю глаза в предвкушении. Вот зараза ...

Отключается.

А я как раз хотела.

Тушу сигарету, на минуту забегаю в кабинет, чтобы проверить все и закрыть замки. Сдав ключ, еду в любимый салон брендового белья. Так что Жданов обломается, придется в трусах, а не как всегда – первый голод у первой попавшейся стеночки.

Еду быстро. Выдернув портмоне из бардачка, лечу в бу-

тик.

Киваю девочкам, комклекты уже забронированы. Забираю три, мигом задерживаю штору. Сбрасываю одежду. Рассматриваю себя в зеркало. Ничего ... Ладная, подсушенная, где надо. Прессик немножко есть, вот грудь подвела, да. Двочка. Но мне нормально. Не люблю большую. А вот Жданов любит. Мне так кажется.

Надеваю первый. Выхожу из примерочной к большим зеркалам. Оччень даже.

- Эй, помогите-ка! – из соседней кабинки капризный голос.

Мимо меня летит персонал. Да и черт с ними. Кручусь, детально себя изучаю. Проваливаюсь в мечты, где Жданов творит с вот этими подвязками всякое. Я тоже сильно соскучилась, низ живота скручивает от предвкушения.

- Симпатично.

- Что?

Рядом стоит стервозного вида красотка. Уперев руки в бедра, бесцеремонно гуляет по моему телу взглядом. Хмыкаю. Отвечаю тем же. Черт, какая она знойная. Напоминает танцовщицу восточных танцев. Грудь, попа – все как надо. И я – тёрка-живот, грудь с яблоко и небольшая жопка. Наесть что ли себе килограммов пять?

- Для мужа? – идеальная бровь летит вверх.

- Нет.

- А я для мужа, – крутится. – Кажется у него кто-то есть.

Хочу назад вернуть все. Грех такого мужика упускать. Знаешь какой он у меня? – поправляет кружево на округлой заднице.

Зачем мне это откровение? Пожимаю плечами.

- Не мое дело.

- Извини. Не глянешь как на мне еще бордовый смотритесь? – просит. – Продавцам веры нет. Им лишь бы втюхать. А мне надо, понимаешь? У меня муж бомба! Не хочу его ни с кем делить. Его только сексом взять можно. Ну, пожалуйста.

Господи, бедная девка. Что там у нее за перфоратор, что на бельишко возбуждается.

- Давай, я пока тоже сменю комплект.

Второй тоже зачетный. Шикарно. Аккуратно вешаю бюстик, голос назойливо проникает в уши.

- Меня Ириной зовут. Его перевели сюда. Теперь в вашем городе осядем надолго. Вот есть у меня чуйка, что она где-то здесь, понимаешь?

Мне-то какое дело. Молчу, рассеянно верчусь. Камни какие-то ...

Телефон булькает. Сообщение странное и не очень приятное. Странно, Олег отменил отель. Проблемы?

Не глядя, сгребая белье и залипнув в сообщении, иду на кассу. Я не особо понимаю. Он впервые соскочил со встречи. Даже причину не написал.

Ну что ж, мы девочки гордые. Нет так нет.

В душе скребет. И если честно – обидно. Последняя

встреча была месяц назад.

Оставшееся время убиваю дома. Вместо того, чтобы наслаждаться богинистическим телом Олега. Внутри скребет от досады. Что у него произошло?!

Отсутствие новостей от Жданова удручает. Лишь еще одна странная просьба ничему не удивляться прилетает. Смаживаю сообщение, едва дочитав. Разберемся.

Учитывая нашу работу ничего странного, конечно.

В холл вхожу под восхищенные взгляды коллег. Знаю-знаю, всегда бы так выглядеть и так далее. В основном моя одежда джинсы, футболки и пиджаки. Направляюсь к кампании, там стоит отец, Зверев и Жданов. Поздороваться-то можно? Я не собираюсь ничего обнародовать. Это против правил наших отношений и противоречит моим интересам.

- Добрый вечер.

Все кивают и Олег тоже. Сразу снимаю первый кадр. Жданов внешне спокоен, но я его слишком хорошо знаю, чтобы понять, что творится сейчас на душе. Всегда выдают глаза. Раскалываю на раз-два. И вот парадокс, это умею делать лишь я, остальным неподвластно.

- Знакомься, Варвара, – гудит Зверев. – Новый член команды. Олег Жданов. Теперь работает с нами.

Склоняю голову в знак приветствия. Держу идеальный покер-фейс.

- Приятно познакомиться, – бархат голоса окутывает.

- Взаимно.

Быстро мажем друг по другу взглядами. Красив, как бог. Мгновенная сцепка бьет по окончаниям нервов. И его и меня. Сглатывая, поспешно отводим глаза. Но как не старайся, все равно ссекаемся и пожираем друг друга. Моя вена колотится на виске, будто нервный тик. Олег прячет подрагивающие руки в карманы. Заметив манипуляции, едва улыбаемся. Палимся да? Так палимся, обалдеть можно.

- А вот и я! – беспардонно вклинивается между нами женский голос. На мгновение замираю. Что это такое? – Это ты? – весело обращается ко мне. – А почему так быстро ушла из бутика? Не смогла тебя догнать. Такая быстрая.

Задохнувшись, прищуриваюсь. Рядом, вцепившись в Жданова, стоит та самая красотка из примерочной. Ирина. Чуть выйдя из образа, опускаю взгляд на пиявочное объятие, непонимающе дергаю бровью. Олег бесстрастно взирает в ответ. Только рваные пятна на щеках выдают, да и то они быстро исчезают.

- Жена Олега, – тянет руку Ирина. – Еще раз приятно познакомиться.

- И мне, – пожимаю самые кончики пальцев.

Размеренно совершаю спасительный вдох. Меня редко можно вогнать в смятение, но сейчас именно такой случай. Время расплывается, зависнув в одной точке. Первое спасение – задираю подбородок и не мигая запечатляю состояние Олега. Он бесстрастен, как статуя. Почти не дышит, не моргает.

Год. Мы встречались год.

Женат? Олег женат? Да выходит, что да. Отлично ... То есть замуж мне предлагал, забыв о наличии второй половины. Прекрасно.

Обида заливает тело. Чертовы метастазы боли распространяются по мгновенно ставшему больному телу со скоростью звука. Выдержка летит к чертовой бабушке. Не мигая, смотрю на него. Ирина рядом с ним. Это больно. Это хуже, чем когда на задержании попадает под силовой замес и трещат кости.

Больно все. Лицо, плечи, руки. Меня шпарит непониманием и обидой. Зачем он так со мной? Видел же, как падала сраженно перед его коленями. Понимал же, что влюбилась.

Олег поправляет галстук. На пальце сверкает ободок. Ранее кольца не наблюдала. Это ранит в семь раз больше прежнего. Прикусываю щеку изнутри, в рот проливается кровь.

Щеку обжигает, разворачиваюсь. Папины глаза красным наливаются. Натужно улыбаюсь, взмахиваю тщательно уложенной гривой, упавшие на лицо пряди, срывают вылетевшую каплю.

- Извините. Важное дело.

Разворачиваюсь и ухожу. Где-то здесь есть кулер с ледяной водой. Не видя, иду, пока под руку не подхватывает кто-то. Отец.

Да начнутся египетские казни.

- Ну?

- Что?

- Что тебя связывает с ним?

- С кем?

- Со старым майором. Он дед для тебя!

- Пап, ему под сорок только. Разве старый? Тридцать восемь!

Противоречу из вредности. Старый, конечно. Едва губу не прогрызаю от хлещущих тщательно скрываемых эмоций. Я мать вашу в мясо просто сейчас.

- А тебе двадцать шесть.

- Ничего не связывает.

- Варя, предупреждаю. Он последний человек, с которым моя дочь может иметь дело. Старый для тебя. Да еще и женат.

- Пап! У нас ничего нет.

- Да? Маше иди Данькиной расскажи. Слушай. Не слушаешь – вылетишь из системы, поняла? Вместе с этим. С волчьим билетом.

- Он так плох?

Отец грубо разворачивает к себе, легонько встряхивает. От его «легонько» лязгают зубы. Не обижаюсь. Генерал внимательно смотрит, сжав губы, стирает мокрый след со щеки. Легкое поглаживание по щеке и отталкивает.

- Иди, Варь, – глухо, давя эмоции.

Киваю.

Папа уходит первым. А я иду покурить, забыв о воде. И

как только выхожу в сад, сталкиваюсь с бледным Ждановым.

Доброго времени суток.

Последняя книга цикла о Суворовых. Встречайте Варвару.

Сразу скажу, будет непросто. Скандалы, интриги, расследования в прямом смысле слова. Банальщины не будет. Героиня не размазня, думает, анализирует. Единственный недостаток – влюблена. Кстати, прошу не опускать ее в ряд банальной любовницы. Варя ей не является по определению.

Герой (сын того самого Олега Жданова, соперника Александра Суворова. Сынуле при рождении было дано имя папеньки, фамилия само собой такая же. Короче, пополюный однофамилец) ... Альфач. Жесткий, местами жестокий. Профессия у него такая. Большие ничего не скажу.

В целом, как говаривал Шерлок – запутанная история, Ватсон.

*Кто хочет распутать клубок, жду на страницах романа. Не забудьте **добавить в библио**, чтобы не пропустить выход главы и **поставьте лайк**, при условии, что вам нравится. Ну и **откомментить как следует**.*

2. Папа не разрешает с мудаками общаться.

Заторможенно смотрю ему в шею. Глаз поднять не могу. Сломаюсь к черту.

Напряжение звенит. Слепо комкаю сигарету в пальцах. Смаргивая, не понимая наблюдаю за действиями. Как табак крошится и сыпается на платье. Платье ... Ради него наде-ла. Ради Олега.

Порывисто выдыхаю, тут же воздух снова хватаю и что? Будто в прорву скачивается. Нет кислорода и взяться ему неоткуда.

- Варь ...

С ноги по лицу сбивает шепот. Облако рассеивается, та-ращусь Жданову в кадык, он двигается. Шея напряжена так, что жилами перехлестывает. Не к месту вспоминаю, как за-целовывала кожу. Как обнимала, гладила. А он сыто урчал, принимая ласку.

- Не объясняй, – хриплю.

По колыханию ветра понимаю, что шаг делает. Сжимаю кулаки, сбежать бы. Но я стою, как вкопанная. Надо прини-мать удары судьбы с поднятой головой. Судьба меня сейчас по морде мокрой тряпкой хлещет. Со всего маха! Принимаю.

- Какого черта не сказал, что женат?

Бросаю обвинительно, как прокурор. Сдержаться сил нет. Я хочу знать.

Впервые за время адового треша поднимаю взгляд. В нем так темно, густо. Пробивают молнии, собираются в кучу, чтобы дать мощный залп. Куда долбанет? Сердце уже в хлам, что остается? В колени или в живот? Там больнее всегда.

- Не посчитал нужным, – в противовес внешнему раздраю ровно и гладко звучит. Без сбоев.

Натужно усмехаюсь, собирая остатки выдержки. Вот так без сантиментов, да? В глаз навывлет.

Жданов криво ухмыляется. Кожа на лбу натянута до предела, рубаха бугрится вздувшейся тканью. Что за цинизм, вашу мать. Знакомый лейбл мозолит воспаленные глаза. Пришел в моем подарке. В моем! И жену прихватил.

Хендерсон от меня, а жена для меня - комбо в одном флаконе. Голова взрывается от лютого сочетания.

- Охрененный поступок, Олег, – пытаюсь подкурить.

Зажигалка прощелкивает. Со злости бросаю на землю агрегат. В ту же секунду Жданов высекает огонь из своей, подносит к лицу. С дрожью смотрю на красивые узловатые предплечья и снова выворачивает. Обручалка укором в мозг врывается.

Зажмурившись, втягиваю огонек.

Выдохнув облако, ежусь. Обсыпает мурашками потоком.

- Это ничего не поменяет, – бесстрастно поясняет.

Брови ползут вверх. Мои. Не его, конечно.

Смеется?

Поднимаю взгляд. Хочу понять, шутит или что? Поймав в прицел, усмехается. Не отрываясь, скрещивает руки. Зеркалю, закрываюсь одной рукой. Молчим, сверля друг друга как какие-нибудь перфораторы, кто кого перебурит.

- А мне кажется очень меняет.

Снова мрачный смешок. Никотин облаком вырывается с уголка губ.

Жданов продолжает бурить с одержимой решимостью. Взгляд придавливающий, тяжелый, до самых кончиков пробирает. Скрытая решимость бушует, будто девятый вал на пиковом пике существует, но меня так просто не пронять. Держу оборону, в академии не зря лучшие результаты показывала. Сказали бы, что допом надо курсы по склеиванию разбитых сердец пройти, я бы потрудилась. Но их не было.

- Варь, я объясню.

- Не надо, – взмахиваю сигаретой.

Его рвет. Челюсть напрягается, зубы скрипят. Шумный выдох в сторону и снова горит заживо. В глазах полыхает, рвется. Еще минута, из кожи и костей вырвется.

- Да, я женат, – сипит. – Но я ее не люблю.

- Seriously?

Из измученного тела вылетает нервный смешок. Такую банальщину всем лепят, ведь не только мне. Проглотив дозу спасительного дыма, чужим голосом выдаю.

- И не спишь с ней? Нет как его? – щелкаю пальцами. –

Задора? Не стоит? Не возбуждает? Живете из-за ... ну? Со-
чиняй!

Если скажет, что нет, зашибу. Вспомню все курсы, что по обороне прошла, с меня станется. Потому что сил терпеть больше нет. Я же живая.

Выдержанное сердце колотится со страшным перебоем. Жду ответа вымученно сгребаясь в целое. Спазмы крутят, в животе пусто и ноюще.

- Варь, все сложно, – зрочки дергаются едва заметно, но я замечаю. Все изменения замечаю, я же фейс. Но Жданов фейс лучше меня, обставил в два счета. – Здесь не время и не место для объяснений.

- Кто тебе сказал, что буду с тобой говорить? – натягиваю крошащийся на глазах покер-фейс. – Мне папа не разрешает с мудаками общаться.

Разворачиваюсь с прямой спиной, будто кол всадили. На негнущихся ногах иду к выходу. Сквозь заложенные уши слышу такой мат, что колени все же подгибаются.

И удар. Глухой удар в стену. Кулаком.

3. Тайфун. Ураган. Шторм.

Людей море. Никого не вижу. Таскаюсь с невесть откуда взявшимся бокалом. Стекло так и норовит выскользнуть из пальцев. Боже, останавливаюсь, топчусь на одном месте. Не дай Бог с ней встретится. Вряд ли смогу быть вежливой. Хотя причем Ирина? Когда Олег подлец.

Из глубин поднимается буря. Унимаю доступными методами, хрен чего помогает. Смотраться бы отсюда. Зализать раны в своей берлоге и как ни в чем не бывало проснуться. Так не будет же так. Сдохну от боли, пока Олега из крови вытравлю.

Сжимаюсь, когда на заднем фоне взрывается смехом жена Жданова. Резко обернувшись, ловлю в фокус. Красивая. Он с ней также, как и со мной?

Стискиваю зубы, вспоминая последнюю встречу. Брал меня везде, ни минуты не дал выдохнуть. Воспоминания покрывают с головой, даже запах чувствую. Стоны слышу, хрипы. Как он меня ... везде и всюду. Жадный, ненасытный. Такой ... не мой. Аaaa!

Рвет желчью, кромсает.

На сто восемьдесят разворачиваюсь, делаю пару шагов. Знакомый аромат раскиселивает в три секунды. Родной такой запах с детства знакомый, ни с чем не перепутаю.

Даня. Не выдержав, тычусь в плечо. Брат сразу прячет в

свои огромные лапищи.

- Варька.

Выдыхает в ухо, мгновенно перехватывая за талию. Ноги не держат. Надежный запах брата укутывает. И так становится ... Вжимаюсь лицом в плечо, наплевав на макияж. Я сильная, да. Сильная, но не в этот раз.

- Данечка-а, – задушено шепчу.

Хват становится крепче. Тяжелое дыхание обволакивает. Я пугаюсь. Брат напрягается, как зверь. Опасаясь, что переборщила, пытаюсь оторваться. Не дает. Гладит по голове, склоняется. Злым шепотом рокошет.

- Кто падал? Кого рвать?

Все, в раскат пошло. Мне как в детстве хочется влезть на руки и зарывшись в щетину мордашкой, выплакать свое горе. Останавливает одно, Даня бешеный демон, сдать ему информацию, значит кранты. Сметет. Так всегда было.

Промаргиваюсь, реанимируюсь в ущерб организму. Слишком быстро приходится мобилизоваться, подавив панику, потом с телом рассчитаюсь. Откидываюсь, натужно улыбаюсь.

- Никого. Расклеилась. Последнее задание вскрыло, да и Черная Борода раскатал, – безбожно вру.

- Че глаза красные? – всматривается. – Че бледная? Не ври.

- Даня, – устало вздыхаю. – Последнее дело вынесло. Тяжело было. Отец еще наехал, – заезженной пластинкой по-

вторяю.

Брат скептически поджимает губы. Освобождаюсь из Даниных оков, он нехотя отпускает. Усматривает соринку и схватив руками за лицо, стирает что-то. Закатываю глаза. Знаю, что он высматривает. Чертов фейс. Параноик. Надеюсь, папа не сказал ему ничего.

- Варь, меня же не наебешь, – грубо высказывает.

Цокаю языком. Наряду с накатившей болью, немного отрезвляюсь. Даня не знает о Жданове. Да я понятия не имею, как отец узнал, мы шифровались как контрразведчики.

Суворов ждет. Недовольно двигает челюстями. Жжет своим рентгеном напалмом. Кривлю лицо, говорить опасно правду. Ситуация накаляется, я же мысленно ору. Не хватало Жданова, так еще цербер Даня попался.

- Ой, Варечка.

Звонкий голос невестки ложится легким успокаивающим покрывалом. Не спуская глаз с меня, брат грабастает жену и целует в висок. Одним движением присваивает, проверяя все ли хорошо с ненаглядной. И держит ее. Прямо как удав обвивает, собственник жуть какой. Как Машка выдерживает, не понимаю. В отношении Мани долбанутый чикаго булс!

- Н-ну? – грозно выталкивает, рассыпая искры.

- Даня, – Маша мгновенно сообщает. Незаметно кивает и аккуратно пытается перетянуть внимание на себя. – Дачечка ...

Хмыкаю. Данечке уже ... старпер он, какой тут Данечка. Но тот незаметно плавится. Маша его личный блокатор плохого. Вот как плывет, хоть и не показывает вида. Только сильнее Машку жмет.

- Отойдем в сторонку, – просит, давая отмашку рукой, мажует из-под подола практически. – Кое-что сказать надо.

Даня показывает мне, чтобы никуда с места не сходила. Я бы смоталась как можно быстрее, если бы не одно «но». Машка бледнеет, Даня оживляется. На горизонте появляется мой отец. Точнее, наш с братом. Я белею, ощутило чувствую, как мелом заливаюсь.

Нет нигде носилок? Можно я туда лягу и унесу сама себя куда-нибудь? Хоть к черту на рога, только не сталкиваться больше ни с кем из троих.

Сердце бьется все медленнее. Отец спроваживает Машу. Она округляет глаза и немо выговаривая «не виновата» на полусогнутых идет куда ее послал папа.

Дан внимательно слушает отца, и ... все. Суп-лапша-пиздец-наелись. Туши свет, делай ночь.

От досады хочется плакать.

Дан наливает разящей злобой. Его колошматит по полной программе. От бессилия почти оседаю на пол. Те двое – это конец. Это тайфун и шторм в одном флаконе. Действие его незамедлительное.

На секунду стихает звук, с громким хлопком двери в холле появляется Жданов. Ноги подкашиваются. Вся подготов-

ка летит в пропасть, все рушится, падает. С треском проваливаю гордое звание лучшей на курсе снова и снова. Сейчас я девушка из восемнадцатого века, где моя нюхательная соль, а?

Жданов выцемляет взглядом тут же. Наплевав на все, решительно направляется ко мне. Давлю в себе порыв повернуться и бежать сломя голову.

Жданов идет ...

Гулкое эхо шагов вколачивается в подкорку. Тяжело сглатываю. Подойти Олег не успевает, наперерез ему решительно двигается Даня.

Это все. Это полный пздц.

4. Разнос по факту.

Подобрав подол, влетаю в узкий закуток. От испуга переживания на второй план ушли. Если сейчас ничего не решу, все – аллес. Разнесут все.

- Прекратить! – высекаю.

На мой сдавленный шепот, что громче крика, оба оборачиваются. У Дана с губ почти пена капает. По глазам понимаю, что отец сказал лишнего. По спине сечет разочарование напополам с болью. Надо было самой Дане сказать, пресекли бы сейчас. Он должен понять, сам в такой же треугольник попадал. Но он выдрал Машу с боем, рискуя жизнью, а я вряд ли бороться стану. Не достоин.

Тревожно оглядываю куликово поле, пока без потерь. Набираю смелости в пустоты, вскидываю голову. Чтоб вас! Какой бы смелой не была, что против двух яростных и напористых вервольфов сделаю.

Жданов дергается вперед. Взглядом под кожу влезает. От посылы отбрасывает в сторону. Слишком по живому все.

- Варя, – просит.

Просить просит, а в голосе по-прежнему сталь вибрирует.

Качаю головой, ища стену рукой. Глаза заволакивает белым. Вскидываю руку, торможу порыв подойти.

- Стоять! – звенящий голос брата и глухой стук.

- Руки убрал, – резонирует Жданов.

Порывисто вздыхаю. Даня очень сильный и крутой, но Олег тоже не слабый. Стоят лицом к лицу, едва не рычат. Голоса перекрывают друг друга, их пониженные громче дикого ора.

- Дай поговорить с ней, – исподлобья сверкая глазами, цедит Жданов.

- Хватит! – пытаюсь влезть.

Тщетно. Кто бы слышал. От ситуации хочется взвыть. Они никак не расходятся. Даю себе слово, что поругаюсь с отцом, сколько можно лезть в мою жизнь. Маниакальный диктатор! Вся жизнь под его рукой. Дане сдал по полной, зная дикий нрав второго. Зачем?! Сама бы разобралась.

- Ты к ней больше не подойдешь, – звереет брат, прибавая Олега к стене.

Еще немного и в глотку вцепится.

- Даня!

От тревоги скручивает напополам. Если подерутся, нам всем каюк. Взываю к благоразумию, влетаю между ними. Дан от неожиданности отступает.

Толкаю его в грудь, заставляя отойти дальше.

- Варь, – набычивается. – На хуй он тебе нужен? Женат же, – презрительно косится.

Меня закорачивает. Ах, ты двуличный. А сам? А сам???

Нечего ко мне лезть. Сама разберусь. Жалею, что повелась и ткнулась в плечо в поисках поддержки, ведь знала какая реакция может быть. Он мне косы плел до третьего класса,

конечно, сожрет за меня любого. Больше ничего и никогда не скажу.

- Не лезь, – задыхаясь, выдаю брату с хрипами.

- Иди ко мне, Варь, – тянет к себе Олег.

Пошатнувшись на высоких каблуках, падаю Олегу в руки. Он так крепко прижимает, что становится нечем дышать. Горячими губами втыкается в шею сбоку, слышу сдавленный стон. Почти оседаю от ощущения крепкого тела. Болтает, будто в шторм попала. Стою как на качающейся палубе, зацепиться можно только за Жданова. Я цепляюсь, чтобы не погибнуть.

Это ошибка.

Получаю разряд в двести двадцать, вздрагиваю. С отрывом лечу в другие руки. Словно в скалу врезаюсь. Брат как в самбо забрасывает меня за спину.

- Еще тронешь ее, – рычит, как раненый волчара. – Руки сломаю.

- Я тебя сам поломаю, – грозит Жданов. – Отдай.

Угроза зашкаливает. Меня разбивает об острые камни эмоций после угрожающего, собственнического «отдай».

Молочу Даню по спине. Ситуацией больше не владею. Вскрываю на загривок брату, душу.

- Прекрати устраивать цирк. Я выросла! Задолбали!

Не то, что хочу в руки Олегу упасть. Не то совсем. Неужели непонятно им, что разрывает надвое.

- Я сказал, – мотает башкой. – Поняла?! На хуй нужен.

- Варя, – напряженно смотрит Олег. – Прошу выйдем. Я объясню.

Закрываю уши. Еще немного и заору. Жданов упрямо гипнотизирует. Обваривает посылом насквозь. Не видит никого кроме меня. Дана игнорирует.

Ааах, как же это все достало.

Уже поняла. По глазам поняла, как заклинило. Шея перерезана крупными венами, легкие как кузнечные меха раздуваются. Режет под колени виноватый взгляд. Там столько всего намешано. Столько всего, что становится намного больше.

Солью по ране его намек на продажную вину проходится. Перестаю дышать. Я не могу набрать воздуха, потому что реально замыкает.

- Нет, – глухо бахаю. – Уходим, Даня, – беру брата под руку.

- Варь! – обваривает хват по голому локтю.

По телу яд, в голове напрочь размело. Нейронка в полной заднице. Я отключаюсь, не трогает ничего кроме долбаного ощущения от любимых предательских рук.

- Ммм.

Мычу и мотаю головой. В уголках закипают слезы. Сейчас все, предел. Надо сбегать.

- Ооо, – веселый голос разрывает пространство, – вы здесь, – Ирина влетает к нам. – Секретики? – подмигивает. Милый, – шагает к Жданову, отодвигая нас в сторону. – Я

соскучилась, – вымазывает щеки яркой помадой.

Меня сейчас вырвет. Олег с каменным лицом принимает ласку. Ирина с интересом рассматривает Дана, залихватски подмигивает.

- Твой? Ой, красавчиик, – ощупывает фигуру брата глазами.

- Брат, – резковато отвечаю. – Занят. Двое детей.

- А-ха-ха! – заливается смехом. – Да я просто так посмотрела.

- Нам пора.

Ирина не слушает больше. Она вновь повисает на Жданове, прижимается лицом. Хватаюсь за брата. Он с силой притискивает к боку. Шипит ругательства, тащит на выход. Перебираю ногами почти в воздухе, слепо хлопаю ресницами.

Дан ставит, держит крепко. Заглядывает в глаза, приглаживает волосы, как в детстве.

- Увижу рядом с тобой, ноги вырву. Я все сказал.

5. Тебе лучше открыть.

- Куда так гонишь? На тот свет?

Ирина недовольно поджимает губы.

Одним взглядом заставляю ее замолчать. Фыркает и отворачивается.

Смыкаю челюсти, дальше некуда, но все равно жму. До крошева. До хруста. Раздирает внутри от злости и ярости. Выжимаю педаль в пол. Машина ревет зверем. Мне откликается. Я сам такой сейчас. За грудиной клокочет, бурлит.

- Ты все штрафы соберешь.

Отвечать охоты нет. Отдираю пальцы от руля, закидываю в рот сигарету. Не отрывая воспаленные глаза от дороги, подкуриваю. За две тяги половину спаливаю в надежде про-
чистить забитые мозги.

- Олеж, – на бедро ложится рука жены. Глаза застилает белым. Ладонь ползет к паху. Зажав сигу в зубах, пресекаю попытки Ирины. – Ты вообще? – морщится, потирая кисть. – Озверел?

- Заткнись.

- Ты что себе позволяешь?

Ничего не считаю нужным отвечать. Пишу Суворовой сообщение.

Жданов: «Варя, нам надо поговорить»

- Брось телефон, – орет жена, – ты хочешь, чтобы мы раз-

бились?

- По работе, – цежу.

- Подождет твоя работа. Я тебе сказала!

Жданов: «Варя, ответь»

До рези в глазах пытаюсь увидеть, прочитано или нет. Как назло, свет от фонарей недостаточно яркий. Врубаю подсветку сверху. Прочитано.

Мне рожу как осколками стекла посекло. Болит, зудит, чешется. Какого вот так все? Я не так хотел. Не так.

Не простит же. Я ее знаю.

Жданов: «Вижу, что читаешь»

Ничего. По нулям.

Сильнее сжимаю руль. До треска кожи на костяшках. До боли. На очередном рывке газую. Обхожу машины впритирку, виляю как ебучий безголовый стритрейсер. Гоню, пытаюсь выбраться из пропасти, куда сам себя загнал.

Ведь можно исправить. Я смогу. Я должен.

- Кому ты пишешь? – наклоняется Ирина.

- Сказал же, по работе.

Хмыкает. Гребанный хмык ожидаемо выбешивает.

- Да? А что за девушка с вами разговаривала? Так смешно, я с ней в бутике столкнулась. Выбирали белье. Подсказала ей что и как.

Лицо набок сворачивает. Для меня выбирала. Для меня ...

Фантазии не к месту ярко вспыхивают перед глазами. Варя очень красивая. Такое тело, что летаю не приземляясь.

Темперамент шкалит. Граната, а не женщина. Пока чеку в руке держишь, хоть что-то контролируешь, но херня в том, что чеку Варя сразу выдирает, сама решает, когда взрывать-ся.

- Коллега, – цежу.

- Ммм, ясно, – обвинительно ревниво. – Часто будешь с ней работать?

- Ирин! – рву сухожилия. – Хватит!

С визгом торможу около подъезда. Перегибаясь, толкаю дверь.

- Выходи.

- А ты? – растерянно.

- Мне еще надо в контору заехать.

- Зачем? – округляет глаза.

- Затем! Иди сказал.

Молча выходит. Останавливается, внимательно смотрит. Объясняться не хочу. Хлопаю дверью, срываюсь с места. С облегчением понимаю, что дышать становится легче. Удавка на шею, а не брак. В жизни нужно иногда жертвовать, да?

С ненавистью смотрю на блеснувшее в свете обручальное. Сдираю зубами, сую в карман.

Жданов: «Варя! Еду к тебе»

Вот так в открытую еду в ней впервые. Плевать на все. Пусть Суворов хоть усрется там, когда узнает. Переживет как-нибудь. Злость подпитывает решения. Всех ненавижу, весь мир. Никого, кроме нее не надо сейчас.

В башке кроме Вари никого сейчас нет. Долбит имя звонком.

Варвара: «Не смей. Не пущу»

Ответила.

Сердце бесится, лупит, проламывая ребра. Резко заворачиваю на обочину, иначе реально не доеду. Вмажусь куда-нибудь с дуру.

Всматриваюсь в буквы. Перечитываю. Что нарыть хочу, хер знаю. Налаживаю кое-как работу организма, едва утихомирив дрожащие пальцы, набираю.

Жданов: «Все равно приеду. И тебе лучше открыть мне дверь»

Осторожно дышу. Жду, что скажет. Варя читает, но ничего не отвечает. Принимаю, как согласие. Ровно через пятнадцать минут останавливаюсь у пятиэтажки.

6. Иди к жене.

- Если не откроешь, дверь вынесу с петель. Варь!

Сползаю по полотну, поджимая под себя босые стопы. Вынесет. Знаю.

- Нам не о чем болтать, Жданов.

Говорю тихо, просто знаю, что слышит. Он всегда меня слышит, даже если молчу. Сжимаю пальцами виски, пытаюсь остановить поток мыслей, не получается. Бегут. Не спрашивая меня, бегут подобно грозному потоку на угловатых порогах.

- Варя, – сокрушительный удар. – Если не откроешь, буду крушить. Снесу!

Еще один удар.

Зажмуриваюсь. Мотаю головой, стискиваю зубы. Перед глазами образ Ирины яркими сполохами вспыхивает. И Олег вместе с ней рядом. Сквозь нарастающий грохот и страшный мат вижу, как целует его, как собственнически кладет руки на плечи.

Бах! Бах-бах-бах!

Закрываю уши.

- Уходи, – выдаю с расстановкой сквозь зубы.

- Открыла дверь, – рёв за стеной. – Быстро. Суворова!

Обдирает кожу на спине. В который раз когтями дерет позвериному. Выгибаюсь фантому. Сдобренному отголосками

грозового рокота. Ору в немом крике. Лицо сводит и перекашивает.

Зачем он так со мной. Не понимаю. Ведь думала, что принесет, что не тронет дебильная доля брошенок. А теперь хоть разорвись надвое. Но я не могу. Мне по должности рыдать не положено. Я рыдать разучилась еще в академии. После мудака, которому девственность подарила. Сцепила зубы, улыбку на лицо надела и сгорев за сутки, снова воскресла.

Шум стихает. Настороженно вслушиваюсь, наполовину выплывая из реальности. Не надеюсь, что ушел ни разу. Жданов пока крепость измором не возьмет, ни шагу назад. Олег не сдается. Он делает шаг назад лишь для того, чтобы разогнаться, впиться смертельным хватом в глотку. И рвать.

- Варь, – сдержанный голос подпаливает сгоревшую в лохмотья душу. – Не уйду же.

Пару коротких вдохов реанимируют. Поднимаюсь на ногу, ищу опору. Едва нащупав, щелкаю замок. Дверь тотчас отпрыгивает в стену, оглушает грохотом. Держу оборону. Закрываюсь руками, топлю себя в оверсайз.

Жданов стоит взмыленный, как жеребец на скачках, пришедшей к финишу первым, потому что на него поставили абсолютно все. Нависает, опершись на своды двумя руками. Предплечья оголены. Вычурно пересечены крупными венами. Длинные пальцы подрагивают.

Отступаю под натиском, но взгляд не опускаю. Мантра - держу оборону.

- Пройду?

В глазах буря напополам с молнией. Глаза сверкают, рассыпают предупреждения. Ноздри трепещут и раздуваются. Я знаю. Знаю его такого. Наблюдала не раз. На шее колотится вена, почти наружу вылезает. Бьется так, что кажется слышу стук о натянутую кожу.

- Зачем?

- Грррмм ...

Неясный звук заставляет дернуться. Еще немного и титанические усилия Жданова взорвутся к чертовой матери. Он и так еле справляется с гневом. Но я тоже ... Сорри ... Не тихая речка. Не я пришла с мужем, о котором Олег не знал.

- Иди к жене, – выплевываю с желчью.

Жданов ведет головой, будто пощечину получил. Медленно отводит взгляд, по лицу судорога идет. Зависает взглядом, а потом им же меня насквозь пронизывает.

Гетерохромийные глаза сражают. Там столько намешано ...

- Пиздец ситуация, да? – хрипит.

Перехватывает дыхание. Бессильно снова съезжаю по стене. Свободный свитер задирается. Лишь усевшись, понимаю, что задрался, обнажив трусы, какие для него выбирала. Вместе с его женой. Вместе с ней, вот надо же так. Перфоманс судьбы.

От нелепости и тупой боли, поднимаю голову вверх. Пытаюсь смеяться. Выходит не очень. Я всегда была хреновой

актрисой.

- Шел бы ты.

Повторяю, якобы вытирая слезы от смеха. Держу оборону даже таким убудским способом.

- Варь, – идет, садится, наклоняется. В нос забивается запах его воды. Сечет по нервам. Запах альфаха и непокорного воина. Это его аромат. Задерживаю дыхание, медленно умираю. Внешне я кремень, но внутри в щепы. – Прости, не ска- зал. Надо было сразу.

- Прикинь? – прищуриваюсь, копая в себе злость.

Впиваемся друг в друга, как в один капкан попавшие. Зная, что зажало с потерями, рвемся: он ко мне, я от него. И все мысленно.

- Олег, – голос почти пропадает. – Нам не о чем больше ... трахаться.

- Что ты сказала? – белеет, набирая обороты яростного гнева.

- Слышал.

- Всё?

- А что хотел? – почти взрываюсь. – Думаешь, буду за спи- ной отели собирать? Иди. К жене. Я сказала! – вызверяюсь.

- Ты ничего не знаешь.

Шипит.

Плавим пространство гневом и непониманием. Я хочу, чтобы Олег ушел, оставил в покое. Порыдаю без него. И так из последних держусь.

Как только собираюсь выгнать окончательно, над головами гремит.

- Ты как посмел прийти в дом моей дочери?

7. Потом.

Выпрямляюсь в немалый рост. Ретро-генерал пожаловал собственной персоной, пришел дочь от суки-гуляки защищать. Схлестываюсь взглядами. У Суворова желваки буграми ходят, пялится так, что только дым из бороды не идет. Понимаю почему подчиненные в штаны от гнева начальника не только ссут, а кое-что похуже. Вся херня в том, что я не подчиненный пока. Ссать не собираюсь.

- Как ты посмел прийти в дом моей дочери? – давит.

- Пап, – писк Вари взлетает раненой птицей в потолок.

Секундой разбивает вдребезги. Такая она сейчас ... голая беспомощность. В моменте хочу схватить на руки, прижать и утащить в берлогу. Зализать царапины, вылечить. Не дастся. Пошлет на хер мелкими шагами. Не осуждаю ни разу.

- Замолчи, – рычу, хоть не прав со всех сторон. – Александр Михайлович, проблема?

Упрямо бычу на генерала. Сейчас рванет ядерка. Брови Суворова идут на излом, борода распушается, как хвост у бешеного кота. Старик распрямляется, еще чуть и всечет. Мельком оцениваю кулаки – пудовые. В ответ не вмажешь, так что челюсти моей пиздец.

- Паап! –набирает обороты.

- Ушла отсюда! – орет. – Бегом.

Варя взметывается искрами, загорается в секунду. На-

чальная растерянность улетучивается без следа. Осознано шагаю к ней, закрываю собой от гнева разбушевавшегося старого супермена. Варя посыл не принимает, небрежно пихает и избавляется от защиты, обогнув по боку.

- Прекратить, товарищ генерал. С поставленной задачей справлюсь сама. Попрошу Вас не вмешиваться в личную жизнь.

В голосе металл скрежещет.

Он полощется красной тряпкой на ветру. Хотя какая нахер тряпка, Суворов крепкий брезент, если так-то разобрать-ся. Бесит, что Варя от защиты отказывается. Искожу дерьмом на происходящее, схватить бы ее и донести хоть что-то. Цепляюсь за последние крохи надежды, а в душе подло выбивается красной строкой – ты в жопе, Жданов, ни одна баба не прощала мужику скрытый брак, какая бы подоплека под ним не скрывалась.

Похер! Каждая хочет быть единственной. На двух стульях не удержишь, даже если у стульев ножки из начиненных гранатами трубок.

- Я тебе слово давал? – орет.

Терпелке приходит конец. Выдвигаюсь снова вперед, почти в генерала утыкаюсь. Захватываю внимание на себя.

- Мне нужно поговорить с ней. Вы лишний.

- Отставить, майор.

- Мы не на службе, – бычу, нарушая все правила устава. – Не по форме. Я пришел к своей женщине и имею право ...

Сносит нахуй в стену. Очумело трясущей башкой. Искры во-
круг разлетаются. Отфыркиваюсь, будто пес намокший. В
челюсти разливается оглушительная боль. Варя вскрикивает
и что-то говорит. Не слышу. Контузило что ли?

- ... домой ... не появляйся ... жена! ... пиздаболище ...
вон ... раз ... подойдешь ... земли ... сотру ...

Твою мать. Ловлю землю под ногами. Сил как у мамон-
та вымершего. Кое-как сгребаясь в кучу, собираю себя по
осколкам. К щеке прилипает что-то ледяное. С трудом наво-
жу взгляд, Варя втыкает полотенце со льдом. Перехватываю.

- Товарищ генерал, – скриплю просевшим голосом, –
только потому, что Вы ... – сглатываю злобу, не договариваю
очевидного. – Только поэтому.

- Иди! Пиздюльва! – блюет желчью. – Султан, блядь.

Ответку зарядить не получится. Понимаю. Ни о чем не
думаю, кроме того, что больше Варю не выпепить. Отморо-
зится по полной проге. Хоть башкой дверь выбей.

Иду в ва-банк.

Игнорирую присутствие генерала. Ловлю Варю в прицел.

- Один разговор. Любое время. Любое место, – глухо про-
минаю воздух. – Я все объясню.

Варя, хмурясь, отводит глаза. Делаю к ней шаг.

- Стой на месте, – рявкает. – Потом.

Даже если потому, что родитель здесь, она говорит, что
«все потом», становится легче. Даже если показывает на
дверь, уже не так неволею. Вываливаюсь на выход, на ад-

реналине спускаюсь вниз. Отхожу от крайней стадии шизы в процессе.

Попадос. Реальный причем.

По левой стороне расплзается припухлость. Нехреновая такая. Старый буйвол ... Вмазал бы. Да совесть не позволяет. Мысли о Варе разрывают надвое. Не могу свыкнуться с мыслью, что лишусь ее раз и навсегда. Не готов.

Поднимаясь по ступеням, набираю номер. Молчит, а потом и вовсе в блок ставит. От досады скриплю зубами. Упрямая жесть. Злой как черт на максимальной скорости долетаю до дома, вваливаюсь в квартиру, на ходу сдираю одежду, сразу иду в душ.

Врубаю холодный. Напрягая все мышцы, стою, терплю и привыкаю.

Думаю о Варе. Член подрывает, соскучился невозможно. Ствол неумолимо наливается, тяжелеет. Падаю в мысли о ней, как в бездну лечу. Хочу ... Хочу так, что уши закладывает.

Закрываю глаза. Мысли не остановить. Дышу, как трактор.

- Я скучала, Олег, – нежные руки обвивают спину, замыкаясь на животе.

Голое тело прижимается, губы утыкаются между лопаток. Ирина. Жена пришла.

Поворачиваюсь к ней.

- Ты смотрю тоже скучал.

Взгляд падает на мой вздыбленный член.

8. Надо с этим что-то делать.

Приторный запах парфюма забивает нос и рот. Гель с цитрусом не справляется с долбанными духами. Задерживаю дыхание, пытаюсь глубоко не всасывать густой аромат. Раздраженно дергаю плечами. Сколько раз просил, не поливайся как дешевка. Бесполезно. Че за бабы? Лишь воняло по сильнее.

- Жданооов, – капризно.

Скользкие ладони смещаются ниже, задевая раздраженную плоть. Импульс независимо шкалит за красную линию. Не успеваю переключиться, волны отдают в поджавшиеся яйца. Ирка ловит головку, сжимает.

- Муррр.

Шкура на спине натягивается, пробирает холодом под горячими струями. Смахиваю водопад с лица, скидываю ладонь жены с члена. Лицом к лицу оказываюсь. Вода с силой льется, но и того хватает, чтобы увидеть боевой раскрас второй половины. Пиздец у нее загоны, даже косметика несмываемая. Кукла, а не баба.

- На хера в белье?

Показываю на кружево.

Она кокетливо закусывает накачанную резиной губу, медленно стягивает бретельку с какой-то хуёвиной. Независимо от мыслей взгляд роняю вниз. Крупный сосок и темно-ко-

ричная ореола. Хмыкаю.

- Для тебя ... – выдыхает томно.

- Че для меня? – бычу.

- Смотри.

Душевая у нас огромная. Ирка, раскинув руки, медленно поворачивается вокруг себя. Струи хлещут. Ну прям та-итянка под водопадом. Не хватает красной помады. И пиздец, реклама из «О чем думают женщины» (герой М. Гибсона фантазировал о рекламе красной помады-прим.авт) подана в реале.

Ирка поворачивается, упирает руки в бедра, невесомо качает ими призывно. Мгм. Заебца наоборот.

Никак не отреагировав, беру губку, наливаю полфлакона геля, намыливаюсь. Я же мыться пришел?

- Олеееж.

Выносит от ебанутого имени. Я, сука, Олег, а не Олежа. По спине снова струей льется холодок. После разьеба генерала не по себе. Не потому, что по роже засветил. На это насрать. Варя! Под ложкой высасывает до дна, загигаюсь, как старый сапог.

- Ир, иди, – показываю на дверь. – Я устал.

Жена стягивает с себя трусы, как заправская стрипуха. Навидался таких вдоволь. Где только нахваталась. Чуть становится в прогиб, перекидывая влажные волосы на мокрое плечо.

- Помогу расслабиться. Хочешь ... в рот мне ...

Когда-то не брезговал. Стиснув зубы, драл Ирку, как сидорову козу. Так было нужно. Выбора, блядь, у меня не было. Задумчиво смотрю на жену. Придаться не к чему так-то, но у меня не горит. Не пылает.

Раздраженно смахиваю пену с лица.

Да на хер! Так случилось, что мы вместе, вот и все дела.

- Иди, Ир.

Отворачиваюсь, врубая сильнее воду. Шумом заглушаю просящий шепот жены. Ничего не хочу. Выйди ты отсюда на хуй!

Ира гладит спину, спускается ниже. Фыркаю, давлю чтобы ушла.

Благо уходит. Сопит обиженно, но уходит.

Закрываю плотнее дверь, упираюсь руками в стенки. Варюсь под кипятком. Как назло, Варя в голове кадрами вспыхивает. Извивается. Грудь в руку помещается. Пухлогубая. Поджарая. Жадная. Коса ее ... Такое ощущение, что не я ее трахаю, она меня. Я под ней горю. Не ней дрожу, как последний пацан. Не девка, ведьма.

Вся ласковая, беспомощная наедине, а в жизни ... Мужики сосут. Характер железный. С виду милаха, внутри Тор на максималках. И знает же, как себя подать, как действовать. Глазами хлопает, когда ей надо, а потом с двух рук из ПЯ (пистолет Ярыгина, надежный, высокая боеспособность, взят на вооружение в 2003 г, является базой - прим.авт) расстреливает в ошметки.

Судорожно со звуком вдыхаю. Пока думал, чуть не задохнулся. Прихожу в себя, моргаю. Член колом, в башке красным взрывы подсвечивают.

Попал ты, Жданов. Жопа твоя со всех сторон зажата. Шаг в сторону и полетит все к хренам собачьим. Еще оборону Суворовских продавить надо. Это было потяжелее задачи, поставленной ранее. Там доверия ноль.

- Олег, тебе еду подавать?

Крик Иры выносит в современные реалии. Бью по краю, вырубая. Натягиваю на мокрое тело полотенце. Толкаю дверь и, оставляя за собой лужи, иду мимо жены.

- Олеж, есть хочешь?

- Нет.

На лице Иры мелькает удивление наполовину с обидой. На самого себя выливается раздражение, справиться с собой без вариантов. Прет, как психбольного.

- Извини, – рычу.

- Может вина? Я понимаю, день был тяжелым.

- Не надо. Спать пойду.

- Я постелила.

- Лягу в гостиной.

- Почему?!

Слепо пялю в стену. Что за клоунада?

- Не еби мозги. Наверное, потому что мы давно спим в разных местах.

Хлопаю дверью, не включая свет, падаю на диван. Накры-

ваю кипящую голову подушкой. В глазах Варя-Варя-Варя. Челюсть ноет, напоминая о запрете Черной Бороды. Но мне же похер.

Все равно свое возьму. Варя ... Голая. Влажная. Возбужденная. Ааах, твою ж ... Сжимаю зубы, из кожи вырываюсь напроочь.

Еще немного и сдохну. Надо с этим что-то делать.

Кому зашло можно смело "звездулить")) Спасибо!

9. Одно дело на двоих.

Все совпадения с реальной жизнью случайны. Ход действия героев и расследований выдуман автором полностью.

- Для расследования подрывной деятельности в отдел направлен майор Жданов, – Зверев прицельно рассматривает сидящих за прямоугольным столом. – В последний месяц активизировались вербовщики. Основная угроза ложиться на молодняк. Умы неокрепшие, подвластны влиянию. Работу с молодняком ведет младший состав, наша задача выйти на основных заказчиков. Ответственным за операцию назначен Жданов. В команде: Суворова, Михалев, Казанцев и Любимов.

Зверев скупно роняет слова. В кабинете тишина давящая. Никто не шевелится. Я затаиваю дыхание, понимая, что влипла по уши, но протестовать не могу. Не положено. Это приказ.

Медленно едва заметно выдыхаю. В конце концов, это работа. Наши отношения никого не волнуют. О них знать никому не положено. Главное, вычленишь и урешь тварей, которые обрабатывают уязвимый контингент.

Обнаглели дальше некуда, парни с ног сбились. Прокуратура тоже не спит, не ест. Ездят по адресам, пробивают компы и телефоны слабозащищенных. Иногда старше попада-

ются, их тоже немало. Мы берем вербовщиков, но никак не можем выйти на большую акулу. Эта тварь затаилась в мутных водах - не сыщешь. А мир большой. Поди отыщи ...

Самое поганое трясги свою систему, там тоже хватает. Мало, но есть. Это хуже чумы, от которой надо избавиться.

Ради этого надо потерпеть, засунув свои печали подальше. И я засуну.

Зверев еще говорит, но я проваливаюсь в бездну. Лечу, даже не пытаюсь себя удержать. Михалева срочно отпускают, и чертов Жданов садится на стул рядом. Тонкий аромат начинает вводить в оцепенение предательское тело. Дрожь. Влажность. Плыву.

Спина натягивается струной, что вот-вот лопнет и зазвенит.

- Ненавидишь?

Ноги подскакивают, отбивая дробь. Кашляю, чтобы замаскировать смущение. Зверев, не обращая внимания вводит группу в курс. Попутно слышу фамилии новых сотрудников архива. Отключаюсь, это не так важно.

Наша буря еще гуляет. Чувствуем веяние лишь вдвоем. Оно бродит по кабинету, грозясь выдавить окна и засыпать нас осколками. Что ж, выдержу.

- Пошел ты, – сухими губами шевелю. На них густая телесная помада, и хрен она помогает. Жарит и кукожит слизистую прямо под слоем.

- Я сказал, – медленно моргает. – Пока не поговорим, с

живой не слезу.

Закипаю гневом. Сжимаю до хруста в пальцах ручку. Все нормальные в телефон пишут, я как дура с ручкой и блокнотом хожу. Староверка, вашу мать.

- Не слезай с Ирины, – испепеляю. – Подойдешь ... Яйца оторву.

- Суворова! – рывкает генерал. – Где интереснее?

Поднимаюсь на вытяжку.

- Никак нет, товарищ генерал. Комар ...

- Какой комар? – на минуту выпадает из образа и тотчас свирепствовать начинает. Молчу, пока шкуру снимает, стою не мигая. Выдохнув, гаркает. – Села. Майор Жданов, следите за сотруddниками.

- Есть! – вытягивается говнюк.

Опуская руку вниз, втыкаю в ногу брехуна остро заточенный карандаш. Не протыкаю, конечно, но неприятно. По-детски. Зачем делаю не знаю. Я не могу объяснить поступок. Жданов бледнеет. До слуха долетает.

- Ты, блядь, нормальная?

Молчу.

Совещание подходит к концу. Выходим из кабинета, направляясь каждый по свои отделам. Ныряю на служебную лестницу, пользоваться лифтом не хочу. Лучше считать каблукaми ступени, чем толпиться со всеми в тесном замкнутом помещении.

Мысли скачут. Внутри пласты невысказанной, невыоран-

ной дикой привязанности. Не сдамся. Закрою все, залию смолой. Ни один ключ не подойдет к замкам, ни один раствор не смоет. Был Жданов и нет теперь. Урод длиночленный. Женат он.

На ступеньке нервно поправляю подпятничник, новые туфли, чтоб их! Пластырь бы ...

Оттягиваю капрон. Кровь, кажется. Ремонтирую потерю, путем натягивания лишнего, не успеваю подвернуть и спрятать подвисяющий капрон в мысок. Чеканные шаги гулкой отдаются в тишине.

Нацепив айсберг на лицо, выпрямляюсь. Окатываю ледяным, шпарю холодом сквозь Олега. Жадно отмечаю, как идет ему форма. Бедрa офигенные, плечи ... Как у самбиста. Немков на минималках, пока в тяжи не попал (Вадим Немков – пятикратный чемпион России, 17 побед и 2 поражения – прим.автора)

- Старший лейтенант Суворова, – цедит через губу. – Мы не договорили.

- Нам не о чем говорить, товарищ майор. Все, что надо уже видела. Разрешите идти?

- Не разрешаю.

Молчим. Я, как мне кажется, беспристрастно стою, Жданов, прищурившись, протыкает взглядом. Молчим. Тишина громче крика. Бьется связанной птицей, ломает крылья. Взгляд Олега падает в расстегнутую блузку, пока поднималась одну вынула из петли. Исправлять ситуацию не могу

позволить, не хочу дергаться. Не надо думать, что волнует его реакция.

Но она есть.

Ресницы Олега медленно падают. Слышу, как трещат нервы. Он неспеша проходится по мне взглядом. А я ... Вижу, как у него встает. Лицо изнутри вспыхивает адским жаром, обваривает эмоциями, убивает наповал. Но я держусь. Я смогу.

Пересекаемся взглядами, одновременно сглатываем. Натягиваю любимый покер-фейс. Держу маску и черт знаю, она сверху или всего лишь жалкие потуги на лице. Надеюсь, что максимально выдаю негатив и похуизм.

Ранит. Выносит. Разрывает.

- Разрешаешь, – выплевываю, спустившись на одну ступень. – Мы просто работаем, Жданов. Трахались когда-то, да. Переживу. Держись от меня подальше, отныне я для тебя Варвара Александровна или старлей Суворова. Распоряжения выполнять буду, но о нашей связи забудь. Мы друг другу никто.

- Никто? – срывает со ступенек, подхватывает, вжимая в себя. – Какие нахуй никто? Я тебя драл! Забыла? И тебе сука нравилось!

Девочки, ловите промо на Даню)))

IYGJOira

Бывшие. Между нами ненависть и твоя дочь.

<https://litnet.com/shrt/OUyA>

10. Твои предложения.

*Глава, как и вся книга, содержит нецензурную брань. **Поэтому стоит ценз 18+!** Есть сцены с табакокурением и алкоголем (вредит вашему здоровью!)

Рожа горит после того, как приложила. Это не просто пощечина, это почти джеб. Норм. Даже не запыхалась богиня. Все предельно ясно, ответ на переход за черту понимания. Принимаю заслуженное, отсчитывая шаги по гулкому коридору.

Поговорили. Отлично, че, так и будет теперь детонировать.

Зло толкаю створку.

Суворова заходит за мной. Из открытой форточки лупит сквозняком, дверь притягивает, Варя ойкает, спотыкается врезаюсь носом в мою спину. Сдавленный стон и зажатое лицо. Из глаз катятся слезы.

- Дай посмотрю, – грубо отвожу кисти.

Варя выдергивается, будто током шпарит в двести двадцать помноженные на два. Упрямо запирает боль в себе, обходит с боку.

- Обойдусь. Соблюдайте субординацию, товарищ майор. Младший состав справится без помощи. Вашей!

Любимов и Казанцев с интересом наблюдают за нашей зловещей перепалкой. Злюсь, хуле вылупились. Кино, что

ли? Вызверяюсь, как пес, готовый вцепиться в глотки. Мужики непонимающе моргают. Встряхиваюсь, не знаю как себя в шкуру назад засунуть. Но, блядь, засовываю.

- Какого окна раззявлены?

- Так душно же, – отвечает Любимов.

Простой ответ выводит снова на рваную струну. Кидаю на стол трезвонящую трубу, Ире приспичило наебывать. Сколько раз говорил, не звони, когда на работе! Никак не уймется. А теперь и вовсе счастье прибыло, выходит на работу в архив. Здравствуйте, лишние глаза. Сраный тесть рад стараться угодить дочери.

- Не запаришься, – рычу.

Варя улавливает адресат входящего. Побелев, отворачивается. Что мне сделать, она жена моя. Запретить звонить не могу, как не пытался. Все эти звонки, пиздежь сотрудников, скрепки-папки и вся херня. Это как денонсация начинающегося адского пиздеца между мной и Суворовой.

Уловив настроение, парни рассказываются, ждем еще Михалева, того снова вызвали. Пока вытаскивают что-то, обсуждают, исподволь наблюдаю за Варей.

Единственная, кто стоит. Безразлично пялит в окно. В подоконник так вцепилась, что пальцы сейчас изломает. В остальном кремень. Ни шиша не в мать. Батя говорил, Марина мягче.

В отца ведьма. В Черную Бороду! Вампирка, колдовка чертова. Всю душу выпила. Всю кровь ей слил к алтарю в

жертву.

В который раз в груди трескается. Стоит мегера, перебирает свою косу. Плетет-расплетет. Вечные игры с волосами. Наяда, твою мать.

- Товарищ майор, – резко оборачивается. – Может без Михалева начнем. Я передам все.

- Я просил мнения? – жму больше, чем положено.

Разговариваю, как скот. Любимов косится. Так не принято, да? Потерпят. Новая метла по-новому метет, не так ли?

Варя смеряет холодным взглядом. Ничего не отвечает, скрещивая руки на груди. Лицо спокойное, а глаза сверкают. Взрывы в зрачках, шаровые молнии сталкиваются и разлетаются. В который раз зрительные сабли скрещиваем.

Чтоб тебя, Суворова ...

Выдыхаю через ноздри. Не пронять, да? Последний вопрос визуально дает охеренно ясный ответ. Читаю – пошел ты.

Ну че? Тогда ок. Я понял. Не хочет даже узнать, что почему. Значит для нее связь была менее затратной, чем для меня. Поверить в такое может и сложно, но возможно.

Не хочет? За грудиной молотит, в шаге стою от ебучего принятия отторжения. Сука ты! Да скажи хоть что-то, хоть знак какой дай, что ж ты морозилка такая!

Отвожу взгляд. Даю себе передышку. Роняю группе, что пока выйду перекурить, как вернусь так начнем. Парни кидают, а на Суворову не смотрю.

Задолбала!!!

Я себя тоже не на помойке нашел. Да, у меня баба. Да, так вышло? Да, блядь, миллионы так живут! Что теперь? Отрубить себе башку? Могла бы понять, что же непросто на нее полез. Не говорил, что люблю. Может надо было, я хер знаю. Только Варя не просила слова.

Что слова, я поступки совершал. Это важнее, чем трепотня.

Сжираю расстояние за пару минут. В курилке никого.

Пусто. Все получили от Зверева, шуршать по отделам погнали. Даже СОБР рассосался кто куда. Курю ...

Она тоже курит. Должна же прийти сюда. Курю. Жду, как дебил. Признаю опять. Затем и вышел.

Вторую добиваю. Варя появляется не в курилке, на улицу идет. Пристраивается к урне, дымит. Как дробер, пялюсь.

Тянет. Тянет! Тянет!!!

Ира обрывает трубу. Пишу, что занят. Отключаю телефон, всовываю в задний карман. Огромный соблазн выйти к Варе. Ведь спецом на виду у всех прячется, шансы подойти-предъявить на нулях.

Пох. Я подойду.

Торможусь лишь тогда, когда вижу брата. Цербер, набычившись, втирает ей что-то. Пытается забрать сигарету. Варя выставляет кулак. Дан качает башкой. Чмокает в пальцы и сваливает. Ревность голову отрывает. Понимаю, что клиника. Что брат, секу. Бесполезно, глаза кровью заливает, аж

просачивается. Тут не ... ммм ... сам себе объяснить не могу. Мужик по факту рядом. Любой! И полетела кукуха. Короче говорю ж, клиника.

Реально больничка. Я зверею.

Пох. Подойду.

Выбрасываю бычок. Сердце предательски молотит, бахает как молот. Отлетают по телу гулкие оттенки. У людей цветные могут быть, у меня же черно-серые. Все померкло.

Толкаю железную уличную дверь. Оттесняю Варю назад, пресекаю попытки смотаться.

- Назад давай, – быдлю, как мразь.

- Зачем? – равнодушно убийственно.

- Затем, – высекаю.

- Жданов, у нас дела.

- Подождут наши дела, – становлюсь в максимальной близости. Вдыхаю запретное, вышибаюсь в лепешку. Мне бы попросить, только не умею. Втыкаясь в нежное лицо, рычу. – Женат. С ней не разведусь. Трахать ее не буду. Член стоит исключительно на тебя. Че будем делать? Твои предложения.

11. Мясорубка.

Жажда одолевает. Меж тем понимаю, хапну из источника, начиненного ядом – сдохну. Да уже сдыхаю. Полумертвый стою, пока светом своих глаз пронизывает. И бросить бы все, наплевать. Пусть яд, пусть сдохнуть. Но ведь потяну за собой. Потяну! Завулон (кличка взята из «Дозоров» самим Олегом - прим.авт.) сожрет не только мою душу, эта сука еще троих заберет.

- В адеквате?

Взгляд внимательный. Даже нарочито сочувствующий. Меня ведет, а она уже взяла себя в руки. Я не забыл с кем дело имею. Жесткая, местами жестокая. Руку себе отгрызет, а из капкана выберется.

Знаю, любит же. Варя меня любит. Я чувствую. Неужели трудно поддаться, проявить чуткость и терпение. Наплевать на все в конце концов.

- Я да, а ты? В железную леди играешь?

- Что ты хочешь от меня? – бросает слова, как милостыню.

– По работе общаемся без проблем. По личному - извини.

- С какого члена?

- Не с твоего, – нарочито показательно фыркает. Думает битое стекло в глазах не вижу, там его полно. Маскирует. Другой бы не рассмотрел, только Варю как свои пять пальцев знаю. – Что-то еще?

Мне хочется взять медпакет, вытащить шприц и вхерачить себе через одежду хоть какое-нибудь лекарство, чтобы отпустило. Рвет же на куски, я реально не в себе. Как можно до одури хотеть одновременно задушить и зацеловать женщину?

Преодолеваю трешак с ржавым скрежетом, на узлы вяжу. Втыкаю сигу в урну, обжигая пальцы.

- Я объяснил.

- Прекрасно, – заморожено плечами жмет. – Так ... Ты женат. Но это ничего не значит. Давай, пожалуйста, трахать-ся дальше. Да? – прищуривается.

- Варь, – сбавляю обороты.

Она не сдается.

Да. Так. Чтоб мне сдохнуть, но все именно так.

Делаю шаг вперед, сжимаю пальчики. В ответ ничего. Вя-ло, безмолвно и никак. Это «никак» ...

Лучше бы еще раз по роже заехала, все реакция была бы. По нулям. А меня снова в бурю бросает. Ведь несколько дней назад что вытворяла, как смотрела, как улыбалась. Живот скручивает диким спазмом, отдает по всему телу. Нутряк переворачивается, перемешивается, наступает полное опустошение и вместе с ним приходит тошнотворное сосущее ощущение.

- Олег, наши постельные приключения закончены. Все. Это конец, понимаешь?

Вскидываюсь. Как смириться, когда даже сейчас готов

прижать к стенке, задрать форменную юбку и отодрать? Потому что в башку бьет звериное желание обладать сильной самкой. Покрыть и перфорастить до изнеможения, чтобы потом разморенную и удовлетворенную уговорить на дальнейшее.

- Нет. Я не согласен, – с наездом туплю, не объясняя больше ничего. Понимаю, как выглядит, но не могу раскрыться полностью. Не в моих силах. – Ты будешь со мной.

Задушил бы сам себя от того, что жалкий теперь, как обоссанный кот. Что-то блею и выпрашиваю. Вся херня в том, что готов им быть. Ни с кем другим никогда, а с ней ... Такие дела.

Варя устало вздыхает. Прислоняется к стене, закрывается руками. Лицо подрагивает, ресницы порхают. Нежные прозрачные веки, шейка эта ... сколько раз зацеловывал. Заливает знакомым трепетом, сгрести бы, отогреть. Но не стану. Наоборот, назад шаг делаю.

- Олег, – тихо, – знаешь, чего никогда не простит женщина?

- Н-ну? – жадно затягиваясь, не отвожу взгляд.
- Не того, что мужчина изменил.
- Во как? – жмурюсь от дыма, а у самого за ушами кожу ломит. – А что тогда?
- Предательства.
- Это неравнозначно?
- Нет. Переспать можно по дури, по пьяни, причина раз-

ная. Один раз! Один! Ты сделал это много раз. Ты жил с другой женщиной. Продолжаешь жить. Ты мог бы сказать, что женат, навешать лапшу на уши, что я единственная. Так вы все делаете? Но ты молчал. Прятался, как ... – значительно прокашливается. – Щемился по углам. Знаешь, что самое хреновое?

В душе поднимается шквал армагеддона. Первая волна накрывает стремительно. Держу фокус Вари, не отпускаю. В оправдание сказать нечего. Пока нечего, поэтому пусть размазывает дальше. Плохо не это. В минуту, когда смотрю на нее, душу сечет мечами Хатори Ханзо. Крест-накрест перерубает до сухожилий. Обескровливаюсь мгновенно.

- Что? – хриплю.

- Мне даже в голову не пришло проверить тебя. Я же фейс, Олег.

- Че не проверила с такими возможностями? – тысячи ударов рассекают мясо.

- Я тебе верила, – припечатывает. – Не считала нужным. А сплетни по отделам не собирала и не собираю.

Признание шпарит по венам, точнее по остаткам вен. Они порваны. Жилы разодраны в хлам. Собираюсь по кускам, прежде чем ответить. Растираю в крошево горящую в пальцах сигарету, сминаю. Ничего не чувствую. На очередные шрамы плевать. Больше от рубцов, оставленных загнавшим меня в угол враньем.

- Ты бы не верила.

Выдаю нагло, с сипом в легким. Булькаю, как тонущий.

Против воли быдлю, из всех сил сохраняюсь. Мне надо так.

- Зря, – первая реакция больная после всего дерьма про-скакивает. – Это оказалось больно.

- Сделаем так, чтобы не болело? – прорываюсь сквозь пла-сты.

- С меня хватит, – отрезает. Спазматически хватает воз-дух. Это шизда. Кислорода море, а мы как будто в космо-се без скафандров. Хотя бы это нас объединяет. Шрамы на сердце широкими полосами расходятся. Мне тоже больно. – Все. Все, Олег, – берется за ручку двери. – Факир был пьян, фокус не удался.

В точку. Все, сука, в точку.

Она уходит.

Вытаскиваю трубу, включаю. Читаю что пропустил, чтобы отвлечься. Тону в сообщениях от Иры. Прочитав, охреневаю еще больше. Перегибает ...

Аккуратно раздавливаю ботинком телефон, собираю остатки, трамбуя в урну.

Пошло все ... Пошло оно все ...

12. Лечить душу.

- Не знаю, что сказать, – Маша хмурится. – Может все не так просто, Варь?

- Спустишься с небес на землю, – недовольно замечаю. – Давай сказки не станем придумывать.

Невестка поджигает губы.

Натягиваю панамку на глаза. Хоть чуть дохнуть. Неделя закончилась жарко. Реакция Жданова жарила. Не убирая козырек с глаз, нашариваю ледяной бокал. Смачиваю горло. Ожидаемая влага не тушит воспаленное горло. Как в песок сухой вливается. Все предсказуемо, я истощена. Как бы не старалась гнать на нейтралке, все равно скорость не гасится. Вся в броне, но за ней обломки летательных аппаратов.

Не хочу ...

- Схожу еще за компотом, – ворчит Маня.

- Льда принеси, пожалуйста, – прошу, выдавая взглядом истинное отношение к невестке.

Люблю ее, не могу.

Ловлю контакт и выдаю. Маша, покачав головой, сдержанно улыбается. Уходит. Хорошенькая она у нас. Понимаю почему Дан бесится. При приближении любого носителя пияну скалится и капает психованной слюной, брызжет. Двоих детей родила, а выглядит на все сто. Хотя и лет ей уже немало, но это не меняет сути братца. Даня, отбитый насчет

семьи. И меня пасет, и Машку, и Даниэлу. Про последнюю лучше не говорить. Долбанутый папаша, маниакально следящий муж и все в одном флаконе.

Кстати ...

- Маш, привет.

Из дома выходит наша бомба стройняга. Смахиваю панаму, искренне счастливо взмахиваю рукой. Идет красотка.

- Данка, – присвистываю. – Отец одобрил такой разврат? – смеясь, указываю на откровенный купальник.

- Одни девочки дома, – отмахивается. – Дед и тот умотал. Мистер Бородуля погнал по делам. Один Ванька под ногами крутится. От папы дождешься прям. По его мнению, буркини мой наряд. И то! Лучше еще сверху в махровый халат замотаться, – жалуется. – И шлем! А лучше два сразу.

- Конец парням, да? – хохочу.

- Варь, какие парни? – плюхается рядом. – Мы с тобой плюс-минус рядом, много тебе накапало? Вот помнишь встречалась с одним и что? Трус оказался. Второй ... говорить не хочу. Короче, ушла в работу. И папа еще как с ума сошел. Говорит, че тебе Данка замужем делать, гуляй лет до тридцати, сейчас время сдвинулось. Ну достал, – возмущается, – мне кажется у меня в квартире прослушка везде. Мне сколько лет?! – взвизывает. – Дед еще! Этот хуже папы. Как начнет допрос, хоть ложись и сдыхай. Привезла как-то познакомиться парня. Знаешь, что устроил? – хлопает по шезлонгу ладонью. – Я думала, датчик в жопу засунет. Вел себя,

как ... – тараторит и тараторит. А я ее понимаю, не перебиваю даже. Знаю, о чем говорит. – И что? И ничего! Последний сбежал. После такого-то приема. Начала выговаривать деду, он глаза выпучил и такой, ой, внучааа, а я что, если они все безъяйцовые, если типа с дедом не может справиться, то че потом ждать. А ты видела нашего деда! Он же сам сатана. Вот так! Чертовы фейсы! Я никогда замуж не выйду. Не дадут!

Откидывает парео и с разбега ныряет в прохладную воду бассейна. На эмоциях отмахивает под водой, мелькая гибким телом в бриллиантовом блеске. Красивыми сильными гребками справляется с расстоянием. Говорю же, красотка.

- Вот, – ставит Маша лед и компот. Тихо спрашиваю, что там у Даны произошло. Маша закатывает глаза. – Варь. Чертовы фейсы. Все! Не знаешь, что ли?

- Муж твой прям озверел.

- Сама знаешь их история с Данкой. Он ее бережет. Все никак по внутренним долгам не рассчитается. Не может себе простить, как пропустил первые годы детства.

Да. Было дело у них. Как вспомню, ужас (история Дана <https://litnet.com/shrt/8gp2>)

- Это ж клиника, – пожимаю плечами.

- Мгм, пойд и скажи ему. Сама.

- Спасибо! Нет! – передергиваю плечами.

Нас окатывает каскадом брызг. Визжим с Машей. Даниэла выныривает и ругается. Племянничек прибыли.

Ванька, не обращая внимания, снова карабкается из бассейна и снова и снова прыгает, устраивая черт знает что. Вылетает мама. Все начинают орать, кричать. Нет, никто не ссорится. Мы просто как большая русская семья стараемся перекричать друг друга и донести свою мысль. Становится шумно. А мне так хорошооооо.

С раненой улыбкой наблюдаю, как Данка гоняет Ваньку. Ванька, хохоча также сгигает, окатывает сестру. Машка пытается навести порядок. А мама уговаривает всех выйти из воды и пойти уже поесть блинчиков. Она что зря готовила?

Я так всех люблю, сил нет. У меня сердце заворачивается от нежности. Поэтому приехала сюда, чтобы полечиться хоть немножко. За прошедшую неделю я истрепалась и истончилась. Надо добрать, наполниться.

- Варя, – несется на меня мокрый Ванька. – Шпасай!

Шепелявость рулит.

Это наш пароль. Хоть Ваня уже давно с прекрасной дикцией. Данку я люблю, но Ванька – это ж моя слабость. Раскрываю руки, ловлю племянша. Буйволенок влетает в меня. Шатаюсь, врезается неслабо. Двенадцать парню. Он почти ростом с меня. Все рассказывают о противных возрастах подростков, нету у нас проблем таких. Ванька бомба просто.

Смеемся, барахтаемся. Данка отступает. Ванька лезет ко мне на лежак.

- Че такая?

- Какая?

- Грустная, – отрывает ноготь.

Недовольно щелкаю по пальцу. Напоминаю о ножницах.

- Нормально все.

- Врешь ты, Варька, – вздыхает со взрослыми интонация-

ми.

Щелкаю его по носу.

- Эй, мистер Шерлок!

- Варь, – грызет палец. – Ты это ... тогда скажи хоть кто обижает. Мы с пацанами соберемся и наподдадим ему. Тока бате и деду не говори, мы сами справимся. Поняла?

Навалиет Жданову? Представляю. Нервно смеюсь.

Вот так его не любить? Прячу выступившие слезы под темными очками, киваю.

- Поняла.

Ванька с гиканьем сигает назад в воду. За шумом не сразу замечаю, как ворота отодвигаются и во двор плавно въезжают два наших цербера.

13. Опекуны.

Все сматываются в дом. Я же остаюсь. Родня знают мою фишечку – посидеть в одиночестве, не трогают какое-то время. Но маме ни по чем. Если она считает, что ее дитя страдает, значит помощь должна быть оказана так, как она считает нужным. И хоть что сделай.

- Что происходит? – садится рядом.

- Мам, – стреляю выразительно.

- Не мамкай! Я тебя не знаю, что ли, – возмущается, – ходишь как протухшая селедка.

Боже мой. Вот никогда в выражениях не стеснялась. А раньше была женщина-ромашка. Это Ванька ее взбодрил, мама до него слов таких не знала.

- Не закатывай глаза, – командует. – Что там со Ждановым?

Приподнимаюсь. Удивленно таращусь в глаза. Ну это вам что? Донес уже Черная Борода соображения своему заму в семье. Вот же шерочка с машерочкой.

- Мам, это мои дела.

- Сядь! – гвоздит взглядом. – Скажу кое-что.

Что у меня за жизнь? Мне не пятнадцать и даже не двадцать. Я старлей структуры, считаюсь неплохим сотрудником, МС по спорту и что? Все меркнет по сравнению с командами мамы. С папой и братом еще как-то могу справиться-

ся, но только в стенах работы, а дома ... Дома я сопливая Варька. Пипец какой-то.

- Слушаю, мам.

Она оглядывается. Придвигает шезлонг, наклоняется.

- Ты у меня взрослая, Варь. Твое дело, как будешь двигаться дальше. Отношения ... все такое, – задумывается. – Скажу за отца Олега. Жданов старший, по сути, мужик очень даже ничего. Сталкивались, – внимательно слушаю, знаю немного о нем, мама, будучи в кризисе с папой с ним работала. – Сама в курсе. Так вот сегодняшний Жданов-младший от первой незрелой любви, поэтому и назван также как отец. Олег Олегович. Мать его умерла, вот ... Яна решила поддерживать. Не знаю, что произошло там. Не знаю, что за брак. Отец этой Ирины, он большой человек, но думаю, что, если младший Олег хоть чуть походит на своего отца, то брак лишь по голому расчету. Там другое, что-то нечисто.

- Мам! – прерываю. – Он женат. Дело не в том, какой у него отец.

- Ох, Варя, – вздыхает мама. – Знаешь, как трудно разобраться в истинном положении вещей. Думаем одно и вроде есть все доказательства, а на деле другое.

- Я верю фактам, – сопротивляюсь.

- Верь. Одно другому не мешает.

- Разберусь.

- В кого ты, Варя? – подпирает щеку. – Вроде внешне такая мягкая, внутри помесь отца и Даньки. Взрыв.

- В себя, – пожимаю плечами.

- В отца ты, – треплет волосы. – Я хочу, чтобы ты была счастлива. Как считаешь нужным, так и делай. Просто хотела сказать, что иногда белое это не только белое. Смотря под каким углом смотреть.

Опускаю глаза. Упрямо мотаю головой.

Не надо ко мне лезть ... Несмотря на дикую любовь к маме ... Не надо. Озверею тогда.

Она понимающе улыбается. Сердце захлестывает нежностью. Дает мне минут десять и зовет к столу. Как раз хватит времени дух после разговора перевести. Но в доме папы не бывает чуда одиночества. Едва мама скрывается, как ленивой походкой шпарит Даня. Приехал так, что никто и не заметил.

Вот же сохраняются мужики так в сорок пять. Завидки берут. Мы падем над собой, как проклятые, а эти ... С утра умылся и красавец. Ох зверюга брат. Машина мышц и стальной взгляд. Даже улыбка не обезоруживает, все равно внутренний волчара в стойке наизготовку всегда. Вроде улыбается, но понимаешь, что в глубине вервольф перед тобой.

Ныыыррок! Без брызг. Надо же.

Где же мне было женихами разжиться, когда вот такое грозное чудовище рядом. Эх!

- Успокоилась? – отфыркивается, выныривая рядом.

- А я расстраивалась?

Дан цокает языком. Набирает пригоршню воды, лениво

окачивает. Треснуть бы, да в бассейн за собой утащит. Знаю я его.

- Варя, забудь его, ок?

Начинаю набирать обороты. Вот чего ко мне все лезут? Опекуны, блин. Раздраженно передергиваю плечами. Дан валится рядом на лежак. Одной рукой придвигает к себе. Цепляюсь, чтобы не свалиться.

- Не лезь, – шиплю. – Мне не пять лет и шоколадки ты мне больше не таскаешь.

- Дурочка, – вздыхает. – Не разведется он, Варь. Яйца крепко привязаны.

Информация больно бьет в солнечное сплетение. Разнюхал уже. Пробил по каналам. С него станется. Сопротивляться бесполезно, ведь знаю брата. Любая тень над моей головой, и он вот, уже разводит руками. С одной стороны, за такого любая сестра душу продаст, но с другой ... Можно я сама, а?

В голове шлак, вычленяю одно единственное.

- Откуда сведения о том, что привязаны?

- Хм, – отворачивается. – Выясняю еще. Но лучше тебе забыть о нем. Работать можно, а вот остальное. Не лезь больше туда. Прошу по-братски. Опасно, Варь. Все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Как всегда, навел тень на плетень.

Мне хватает малого, чтобы струной разрежало по сердечку. Кровь хлещет сразу, не остановить. Любое воспоминание

об Олеге – проникновение горящего прута в скукоженную плоть. Больно. Очень больно. Не понимаю иной раз, как держусь. Гоню из памяти все, что касается кадров, связанных с его женой, а они снова и снова с памяти воскресают. А когда пересекаются с «нашими» становится невмоготу. На куски раздирает.

Чертов Жданов! Влез-таки под кожу, внедрился почище всеми правдами и неправдами замаскированного разведчика. Вытравить бесполезно. В кому если только впасть. Под ложечкой сосет все сильнее и сильнее. Перекручивает на смерть, но я же камень. Я смогу преодолеть, я выкручусь и выживу. Я же Варя. Я же Суворова.

А Жданов ... Жданов ...

Все ...

Все.

14. В машине на серпантине.

Варя заходит последней. Сухо здоровается, занимает свое место. Молча провожаю ее взглядом. Реакции нет. Сразу достаёт блокнот, хмурясь, перелистывает, залипая на страницах. А я под общий гомон на нее залипаю.

В кабинете галдеж, но я будто в тишину проваливаюсь. Сам себя слышу, как тяжело дышу. Не хотел бы смотреть, выдаю ведь с головой нервяк, глаза сами Суворову находят, как бы не сопротивлялся. Неделя прошла, пост держу почище подвижника.

Кремень. Скала. Сидит, не двигается, как статуя замерла, только пальцы страницы перелистывают.

- Начнем, – прибиваю. – Михалев.

- Поступила информация на Петренко. Футбольный фанат. Организация дебоша.

- Это не наше, – влезает Любимов. – Пусть опера занимаются.

- Наше. Статья дюже подходящая. Надо проверить. Ордер на обыск вот, – протягивает мне. Пробегаю глазами. Правда, это наш клиент. – Думаю найдем с избытком.

Конечно, наш. Я этого мудака еще по прошлой работе знаю. Ворочает и остается чистеньким. Нахеровертил в последнем, но мы его отпустили. Так было нужно.

- Найдем. Он уже есть в базе, – коротко сообщаю.

- Так я поеду?

Лучше было часов в шесть утра. Самое лучшее время. Вся херня в том, что, если упустить ... Короче ехать надо сейчас.

- Едет Суворова.

Варя поднимает голову. Впервые за время прихода сюда срезаемся взглядами.

- Риски минимальные пока, – подчеркиваю.

- Я поняла.

- На блокировке кто? Если решит сопротивляться?

- Михалев и еще одного возьмите.

- Я одна пойду в квартиру?

- Нет.

- А кто со мной?

- Я, Суворова.

Опускает взгляд. Игнорирую недовольство. Мы в одной команде, так вышло. Потерпишь!

Малодушно отмечаю, да кого угодно можно было к сраному Петренко послать, но это возможность. Хотя бы такая ебанутая, но возможность. Иначе без вариантов. Еще неделю морозить будет, а там могу за себя уже не ответить. Наверочу с вышкой.

Далее погружаемся в работу над поставленными задачами. Совещание проходит быстро и слажено, потому что в группе думающие, четкие. Закончив, собираемся на выезд. Внештатник сообщает, что Петренко дома, так что торопимся.

- В мою машину, – приказываю Суворовой.
- Я с Михалевым.
- Сказал. В мою машину.
- Не надо так со мной разговаривать, майор Жданов.
- Выполнять приказы, старлей.

Намеренно шпарю обидой. Другого не вижу выхода. На-
супившись, идет. Дверь не открываю, садится сама.

Пока завожу, бешусь, какого хрена сидушки двигаются
взад-вперед, а не друг к другу. Сейчас бы вплотную дистан-
цию сократил и ничего бы моя Суворова не сделала. Врубаю
скорость. Кошусь на Варю, нутряк вибрирует. Сжимаю паль-
цы добела, так сильно дотронуться хочу. Коснуться бы ще-
ки, почувствовать тепло кожи, проникнуться. Отгрызет же,
не глядя.

Ссука.

Убиться о лобовуху.

Мышцы сводит, но коснуться будет мало. Как маньяк по-
следний хочу влезть под кожу, раствориться, влиться в са-
мый центр сердечка. Железный замок не дает. Ключа нет от-
переть, его забрали. И отдадут ... Но я вырву. Сам украду.
Еще немного осталось.

До дома доезжаем в минимальные сроки. Не глядя друг
на друга, поднимаемся по лестнице. На звонок долго никто
не отвечает, уже думаю, что внештатник ошибся, но ни хера.
Ключ проворачивается. Сносим бугая внутрь.

- В чем дело?

- Здорово, Петренко, – Михалев сует под нос бумагу.

Я сразу прохожу в комнату. Голая девка вызывающе таращится. Мерзота, хоть бы прикрылась.

- Оделась быстро.

Недовольно кривится, вылезает и натягивает шмот. Рас-
таскиваем их по комнатам. Тварь проходит мимо Вари и вне-
запно бросается на нее.

Зверею. На мое бросается. Не даю Суворовой самой от-
ветить на выпад, высекаю из зоны прикосновения. В секун-
ду гандона вырубаю, прибив к стене. Нахлобучившись с по-
следних событий, херачу по полной, пока не оттаскивают.

Дебил приваливается к стене, неадекватно смеется, раз-
мазывая по роже кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.